

ПРЕДЧУВСТВИЕ БЕДЫ КАК ОСНОВА ВНУТРИЛИЧНОСТНОГО КОНФЛИКТА

Непшекуева Т. С. – к. ф. н., доцент

Кубанский государственный аграрный университет

В статье на примере произведения У. С. Моэма "Луна и грош" раскрывается поведение личности, вызванное предчувствием беды. Интуиция, предчувствие беды рассматриваются как сильные конфликтогены, которые опираются на весь объем информации, находящийся во внутреннем мире личности.

Интуиция, как известно, есть непосредственное неосознанно полученное знание. Такое знание может быть чувственным, рациональным или эйдетическим (целостным чувственно-рациональным образом явления) [1]. В первом случае интуиция является мгновенным чувством, во втором речь идет об интеллектуальной интуиции, в третьем – об эйдетической интуиции [1]. Как считает автор, интуиция есть данность, а не постижение непознанного, т. к. между субъектом и объектом всегда есть гносеологическая координация, даже тогда, когда нет познания. Хотя, как отмечает В. А. Канке, не все ученые склонны структурировать интуицию, подчеркивая ее целостность, нерасчленимость. Интуитивное мышление опирается на весь объем информации, находящейся во внутреннем мире личности.

В повседневной жизни интуиция зачастую принимает форму предчувствия. Предчувствие же опирается на предыдущий опыт человека, определяет отношение человека к предвосхищаемым им ситуациям и событиям и все его последующие действия.

Предчувствие несчастья вызывает чувство глубокой тревоги и страха, который может заставить прибегнуть к каким-либо неадекватным действиям. В нижеприведенном примере героиня романа У. С. Моэма "Луна и грош" Бланш Струве отчаянно сопротивляется желанию мужа привести больного Стрикленда к ним в дом на время его болезни. Что-то ее пугало в Стрикленде, а скорее, в себе самой.

I think she was quite sincere when she struggled against her husband's desire to bring him into the studio; I think she was frightened of him, though she knew not why; and I remembered how she had foreseen disasters. I think in some curious way the horror which she felt for him was a transference of the horror which she felt for herself because he so strangely troubled her ("The Moon and Sixpence", 120). – Наверно, она с полной искренностью восставала против желания мужа привезти его к ним; Стрикленд пугал ее, а почему, она и сама не знала, но предчувствовала несчастье. Ее ужас перед Стриклендом, так ее взволновавшим, вероятно, был ужасом перед самой собой ("Луна и грош", 97).

Отрицательный опыт, который Бланш имела в жизни, оставил глубокий рубец в ее памяти. Подсознательно она "видела" в Стрикленде того, кто мог разбудить в ней природные инстинкты, которые однажды уже приводили ее на край пропасти. Бланш, по-видимому, хорошо знала эту сторону своего темперамента, который она смогла обуздать. Преодолев себя однажды, она не была уверена в своих силах в случае повторения ситуации. Стрикленд, терзаемый муками творчества, отказался от всего мирского, подавил в себе всякое желание. Обоих объединяла дикая сила накопленной, нерастраченной ядерной энергии либидо, которую "учуяла" Бланш, и которой так испугалась. Некая сверхъестественная сила сводила их. Разница лишь в том, что Бланш своей женской интуицией увидела это быстрее и тоньше, чем кто-либо, и ужаснулась сама себе. Внутриличностный конфликт Бланш основан на предчувствии беды, маркирован ее трево-

гой, протестом против привода мужем Стрикленда в дом (межличностным конфликтом), испугом, ужасом, поднимавшимся от того волнения, которое вызывал в ней Стрикленд.

После того, как Блан Струве и Стрикленд сошлись, Дирк Струве остался верен своей любви к Бланш. Он не ушел, не отстранился, а лишь ждал, когда она надоеет Стрикленду, чтобы с радостью принять ее. Однако и его не оставляет чувство тревоги, основанное на предчувствии беды. Внутренний конфликт Дирка Струве усугубляется чувством собственной беспомощности.

'Oh, I'm so frightened. I know something is going to happen, something terrible, and I can do nothing to stop it.'

'What sort of thing? I asked.'

'Oh, I don't know,' he moaned, seizing his head with his hands. 'I foresee some terrible catastrophe.'

Stroeve had always been excitable, but now he was beside himself; there was no reasoning with him ("The Moon and Sixpence", 129).

– О-о, я так боюсь! Я уверен, случится что-то страшное, и я не в силах этому помешать.

– Но что именно? – осведомился я.

– Не знаю, – простонал он, сжимая голову руками. – Я предвижу ужасную катастрофу.

Струве и всегда-то легко приходил в волнение, но сейчас он был по-настоящему вне себя и никаких резонов не слушал ("Луна и грош", 104).

По-видимому, Дирк Струве вспомнил, чем однажды закончилось подобное увлечение для Бланш, в его сознании ассоциативно возникла модель возможного финала взаимоотношений Стрикленда и Бланш, что и послужило основой для его тяжелой тревоги. Кроме того, он прекрасно знал характер Стрикленда, для которого связь с женщиной была ничем иным, как проявлением мимолетной слабости тела под давлением природного

инстинкта и понимал, что тот в скором времени бросит Бланш. Какой путь выхода из этого конфликта выберет Бланш – это был предмет его предчувствий. Внутриличностный конфликт Дирка Струве маркирован как вербальными, так и невербальными средствами: чувство страха, манера речи, стон, сильное волнение, потеря самообладания.

Уже в больнице у Бланш, пытавшейся покончить с жизнью, чего так боялся Дирк, он вновь охвачен необъяснимым страхом и решает остаться с ней рядом – это единственное, что он был в силах предпринять.

'I must be here when she needs me,' he repeated. 'It would be dreadful if something terrible happened and I were not at hand.'

'What do you think is going to happen?' I asked.

'I don't know. But I'm afraid.'

I shrugged my shoulders ("The Moon and Sixpence", 125).

– Я должен быть здесь на случай, если понадобится ей, – твердил он. – Вдруг случится что-нибудь ужасное, а меня здесь не будет.

– А что, по-твоему, должно случиться?

– Не знаю, но мне страшно.

Я пожал плечами ("Луна и грош", 107).

Теперь Дирк был охвачен страхом не просто потери надежды быть с Бланш, но и страхом потери самой Бланш, без возможности последний раз выразить ей свою любовь. Возможно, он понимал свою причастность к случившейся беде – ведь Бланш так не хотела Стрикленда в их доме, а Струве так ее уговаривал... Представляется, что он осознавал все шансы Бланш на жизнь, но боялся озвучить их, не говоря о том, чтобы признать их для себя.

Внутренний конфликт маркирован страхом, манерой речи ("твердил"), тяжелым предчувствием.

Таким образом, интуиция, предчувствие беды являются сильными конфликтогенами (пожалуй, более развитыми у женщин, чем у мужчин),

которые опираются на всю имеющуюся у личности информацию. Предчувствие беды становится мощной доминантой, маркирующей поведение личности как сопротивление, протест, сильное волнение, страх и тревога, изменение манеры речи (стон, растяжка звуков), чувство беспомощности и безысходности, потеря самообладания.

Список литературы

1. Канке, В. А. Философия. Исторический и систематический курс : учебник для вузов / В. А. Канке. – Изд. 4-е, перераб. и доп. – М. : "Логос", 2001.
2. Моэм, У. С. Луна и грош / У. С. Моэм. – Пер. Н. Ман. – М. : Художественная литература, 1991.
3. Maugham, W. S. The Moon and Sixpence. Short Stories / W. S. Maugham. – Книга для чтения на английском языке. – М. : Изд-во "Менеджер", 2000.